

Блинова О. А. Шотландский регионалистский дискурс в британских СМИ / О. А. Блинова // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 39—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-39-55.

Blinova, O. A. (2019). Scottish Regionalist Discourse in British Press. *Nauchnyi dialog*, 7: 39-55. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-39-55. (In Russ.).



Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.111'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-39-55

Шотландский регионалистский дискурс в британских СМИ

© **Блинова Ольга Александровна (2019)**, orcid.org/0000-0002-7456-4998, ResearcherID E-6779-2014, SPIN 9812-5139, кандидат филологических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия), o.blinova@mgimo.ru.

Статья посвящена шотландскому регионалистскому дискурсу в британской качественной прессе. Охватывается период с момента проведения референдума о независимости в 2014 году и до 2019 года. Регионалистский дискурс рассматривается как объект лингвистического изучения. Предлагается определение термина *регионалистский дискурс* как разновидности политического дискурса. Задаются рамки изучения регионалистского дискурса с позиций политической лингвистики. С помощью семантико-стилистического и дискурсивного анализа выявляются специфические характеристики, присущие шотландскому регионалистскому медиадискурсу. Среди последних представлены метафоризация с опорой как на универсальные, так и культурно-специфические образы, а также филологический вертикальный контекст. Кратко уточняются функции метафоры в политическом дискурсе. Анализируются универсальная метафора бракоразводного процесса и культурно-специфичная метафора, основанная на цветовом символизме и культурной привязке. Особое внимание уделяется географическому маркированию границы между севером и югом в шотландском регионалистском дискурсе. Обсуждается потенциал исторического и филологического вертикального контекста. Выявляются коммуникативные стратегии апеллирования к авторитету шотландских литературных деятелей (Р. Бернс, В. Скотт, Р. Л. Стивенсон). Рассматривается стилистический потенциал диалектных шотландских вкраплений в англоязычный текст.

Ключевые слова: вертикальный контекст; медиадискурс; метафора; политический дискурс; регионализм; регионалистский дискурс; шотландский диалект; Шотландия.

1. Введение

Регионализм, то есть усиление внутригосударственных регионов, — одна из наиболее заметных общественно-политических тенденций совре-

менного общества. В научной литературе этот процесс получает различные толкования и исследуется через историческую, политологическую, социологическую оптику. Регионализм как течение противостоит глобализации и ведет к фрагментации мира, то есть «расколу и столкновению интересов различных международных сообществ по причине их расовой, национальной и культурной дифференциации» [Елин, 2010, с. 15]. Одной из ярких иллюстраций роста регионализма можно считать современную Шотландию, где в последние десятилетия усилилась тенденция к возможному выходу из состава Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии. С момента обретения собственного парламента в 1997 году и с приходом к власти в 2011 году Шотландской национальной партии (Scottish National Party, SNP) шотландская регионалистская риторика превратилась в доминанту политического дискурса региона. Непосредственным результатом явилось проведение в 2014 году референдума о выходе Шотландии из состава Соединенного королевства, который противники независимости выиграли с лишь незначительным перевесом. Несмотря на последовавший за поражением кратковременный спад, регионалистические настроения снова вспыхнули в 2016 году после референдума о «Брексите» — выходе Соединенного королевства из ЕС, который население Шотландии не поддержало.

Очевидно, что рост регионалистических настроений нашел языковое отражение в дискурсах заинтересованных игроков, в связи с чем регионалистский дискурс стал легитимным объектом лингвистического изучения.

2. Регионалистский дискурс как объект лингвистического изучения

Термин *регионалистский дискурс* на сегодняшний день применяется в большей степени в социологии, политологии или философии, чем в языкознании. П. Бурдые называет данный вид дискурса «показательным», имеющим цель «навязать в качестве легитимного новое определение границ и заставить людей знать и признавать регион, который таким образом конструируется в оппозиции к доминантному определению региона» [Бурдые, 2002].

В. А. Щипков понимает регионалистский дискурс как «пространство действия (события), в котором существуют, функционируют и находят своё выражение множественные объекты и субъекты регионализма — в том числе социокультурные, политико-идеологические, научные и мифологические, а также совокупный контекст этого пространства» [Щипков, 2016, с. 15]. И там же: «Пространство, в том числе социокультурное, стало осмысливаться через изучение дискурсов о нём» [Там же, с. 5]. Регионализм

предполагает сосуществование множества региональных единиц разного масштаба, подразумевая «максимальную свободу культурного развития региона и усиление его автономии от государства, вплоть до приобретения полной самостоятельности» [Там же].

Таким образом, обращаясь к регионалистскому дискурсу, мы изучаем социокультурное явление и его дискурсивные практики. Как отмечает Д. С. Докучаев, «цели регионализма как политического дискурса могут включать в себя: описание действительности, ее объяснение, регулирование деятельности адресатов, воздействие на сознание адресатов, оценку действительности, прогнозирование положения дел» [Докучаев, 2012, с. 74]. М. В. Кирчанов считает регионалистский дискурс «универсальной формой политического языка» [Кирчанов, 2009, с. 110].

Исходя из приведенных выше соображений мы считаем возможным сделать вывод, что регионалистский дискурс есть разновидность политического дискурса. По каноническому определению Т. Ван Дейка, дискурс представляет собой «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств — знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего» [Ван Дейк, 1998]. Политический дискурс в широком понимании «включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения», а в узком представляет собой «разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти, а также процесс и результат порождения и восприятия текстов плюс экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие» [Маслова, 2008, с. 44]. Таким образом, в нашей работе мы исходим из следующего определения: регионалистский дискурс — разновидность политического дискурса, процесс и результат использования языка для описания политической деятельности в конкретном регионе с целью утверждения политического, социального и культурного пространства региона как самостоятельного субъекта политической действительности. Регионалистский дискурс может реализовываться в разных медиумах (общественно-политические институты, СМИ, социальные медиа, бытовое общение и др.).

В рамках языкознания представляется закономерным изучать регионалистский дискурс с позиций политической лингвистики на материале по-

литического медиадискурса, институционального дискурса, а также бытовых дискурсивных практик. В качестве объекта политической лингвистики выступает «порождаемое субъектом политической деятельности многообразие политических текстов и речей, функционирующих в политическом дискурсе, а также их анализ с учетом лингвистических и экстралингвистических признаков» [Котенков, 2018, с. 157]. Предметом исследований может выступать национальная специфика политического дискурса или же дискурсивные варианты использования политического языка. В первом случае в фокус лингвиста попадают идиоэтнические средства языкового выражения политических взглядов, во втором — дискурсы конкретных политических течений и образований. Также исследуется и языковое отражение событий, принадлежащих к сфере функционирования политического дискурса (выборы, демократический процесс, войны, боевые конфликты, политические скандалы и т. д.).

3. Вербализация потенциальной независимости Шотландии в британских СМИ

Применительно к регионалистскому дискурсу современной Шотландии объектом исследования уже неоднократно выступал дискурс местных политических партий (SNP) [Revest, 2016; McAnulla et al., 2017], медиадискурс местной прессы [Ширяев, 2018; Wagner, 2017], а также бытовые дискурсивные практики жителей региона (неформальное устное бытовое общение, активность в социальных сетях и т. д.) [Shoemark et al., 2017].

Материалом данного исследования послужили образцы общebritанского медиадискурса (изданий «The Economist», «The Guardian», «The Spectator, Prospect»), освещающие вопрос о потенциальной независимости Шотландии от Соединенного Королевства. Эмпирическую базу исследования составили контексты, извлеченные методом сплошной выборки из печатных и онлайн-изданий за 2014—2019 годы, что позволяет увеличить охват данных по сравнению с ранее опубликованными исследованиями, посвященными лишь референдуму 2014 года [Blain et al., 2016; Dekavalla, 2016].

Источники анализа отбирались путем автоматического поиска в онлайн-архивах по ключевым словам: *Scottish independence*, *Scexit*, *Scexit*. Отметим, что два последних протологизма-бленда, созданных по аналогии с неологизмом *Brexit*, на сегодняшний день активно используются политиками и журналистами как в Шотландии, так и за ее пределами. В 2016 году обе лексемы прошли предварительную кодификацию и были внесены в онлайн-версии словарей «Macmillan» и «Collins Cobuild».

Гипотеза исследования состоит в следующем: шотландскому регионалистскому медиадискурсу в британских СМИ присущи определенные особенности и закономерности, которые можно выявить в ходе семантико-стилистического и дискурс-анализа. Эти специфические особенности, с одной стороны, роднят его с другими регионалистскими дискурсами, с другой — выделяют и обуславливают его самостоятельность. Анализ корпуса примеров показывает, что все способы языковой репрезентации потенциальной шотландской независимости можно условно разделить на две категории: универсальные и культурно-специфические. К первым относится метафоризация (использование концептуальных метафор), а ко вторым — интертекстуальность (исторический и филологический вертикальный контекст, аллюзии).

2.1. Метафоризация

В политическом дискурсе, в том числе регионалистском, метафоризация — один из механизмов порождения и изменения смысла — реализует свой манипулятивный потенциал, изменяя политическую картину мира реципиента. Функционал метафоры выходит за рамки эстетики, так как она выступает средством аргументации и полемичности. Концептуальная метафора — один из лингвокогнитивных механизмов манипулирования мнениями, настроениями, оценкой реципиента с целью спровоцировать его на политически значимые действия. Она представляет собой «типичную форму переноса признаков одной понятийной сферы на другую понятийную сферу, т. е. некая концептуальная схема, продуцирующая переносные (метафорические) смыслы слов и высказываний» [Беляевская, 2011, с. 15]. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в настоящем исследовании мы рассматриваем примеры, не разграничивая стертые и оригинальные метафоры, так как обе категории имеют общие концептуальные основания и могут рассматриваться как уникальный лингвокогнитивный механизм [Lakoff et al., 1980].

Анализ корпуса примеров выявил, что один из наиболее распространенных образов основан на метафоре брачного союза и развода:

Sturgeon must be thinking, was there ever a better moment for divorce from a marriage so dysfunctional as the United Kingdom? (Стерджен наверняка думает, бывали ли времена благоприятнее, чтобы «развестись» и покинуть этот «неудачный брак» — Соединенное Королевство?) [The Guardian, 29.04.2019];

In every country — Germany, Italy, France, Britain and, this weekend, Spain — the great postwar political families are disintegrating (В каждой стране — Германии, Италии, Франции, Великобритании, а в эти выходные в Испании — распадаются крупные послевоенные политические «семьи») [Ibid.].

В обоих приведенных примерах союзное государство предстает в роли семьи или брака, а его распад эквивалентен разводу. Характер отношений в этой «семье» квалифицируется прилагательным с сильной негативной коннотацией, часто употребляющимся для описания семей, страдающих от домашнего насилия, халатности по отношению к детям и т. д. Несмотря на заложенную в части контекстов негативную окраску (семья позиционируется как проблемная), развод всегда характеризуется резкой ломкой устоев и нередко сопровождается кризисным периодом депрессии. Понимается, что именно такое будущее ждет Шотландию и Великобританию после разделения. Распространенность метафоры развода роднит освещение шотландской независимости с Брекситом, где именно этот образ также является одним из наиболее частотных [Đurović et al., 2018; L'Hôte, 2012; Musolff, 2017].

Если описанная выше метафора не является уникальной для именно шотландского регионалистского дискурса, то в следующем примере мы имеем дело с культурно-специфическим образом:

In every Scottish brain, there has been a tiny blue-and-white cell which secretes an awareness: “My country was independent once.” But this stimulated other larger, higher-voltage cells around it to emit suppressor charges: “Are you daft? Get real (...)” One way of describing what’s happening to Scotland now is to say that the reaction of those inhibitor cells has grown weak and erratic. Whereas the other pulse, the blue-white one, is transmitting louder, faster, more insistently. (В каждом шотландском мозгу есть крошечная бело-голубая клетка, которая секретирует мысль: «Некогда моя страна была независимой». Но это раздражает другие, более мощные клетки вокруг, которые издают подавляющий ее сигнал: «Ты глупая? Спустишься с небес на землю». Текущую ситуацию в Шотландии как раз можно описать как ослабление этих клеток-ингибиторов. Зато вторая, крошечная бело-голубая клетка передает сигналы все громче, активнее и настойчивее) [Prospect, 17.07.2014].

С одной стороны, с помощью общедоступной, но тем не менее нейронаучной терминологии описывается мозговая деятельность. Одни клетки заняты секрецией, а другие выполняют роль ингибиторов. Однако в работе ингибиторов произошел сбой: они больше не подавляют импульсы, как должны. Далее, вместо химических веществ «секреция» здесь относится

к националистическому чувству. На это указывает бело-голубой цвет клетки: это цвета флага Шотландии (белый Андреевский крест на синем фоне). Таким образом, выделяемая «секреция» обозначает мысли о независимости страны, и именно их клетки-ингибиторы больше не могут подавлять. Мысли эти посещают каждого шотландца все чаще и чаще (как сердечный пульс), и метафорический образ подразумевает, что желание увидеть свою страну независимой — биологическое свойство (то есть заложено в мозгу) каждого шотландца.

Широко распространено и специфичное для региона маркирование географической дистанции, а также барьеров между Англией и Шотландией. Практически во всех проанализированных материалах об отношениях Шотландии и Англии названия регионов передаются через перифраз, основанный на номинации их географического расположения относительно друг друга:

*Never before — at least, not in living memory — has there been such a disconnect between **north and south Britain**.* (Никогда прежде — по крайней мере не на нашей памяти — не было такого раскола между севером и югом Великобритании) [The Spectator, 09.05.2015];

*But **north of the border**, there's the chance of something better.* (Но к северу от границы есть шанс добиться улучшения) [The Guardian, 28.04.2019].

Если в первом примере и север (Шотландия), и юг (Англия) обозначены как части единой Британии, то во втором они противопоставляются друг другу. Между ними пролегает граница, хотя под этим словом подразумевается граница не межгосударственная, а историко-культурная. Это словоупотребление стало настолько типичным, что в контекстах, где речь ведется о потенциальном возникновении настоящей границы между двумя отдельными государствами, журналисты сопровождают это слово пояснением:

*It is the **Anglo-Scots**, on both sides of what threatens to become **a real border**, whose emotional shock must be by far the greatest.* (Сильнее всего эмоциональный шок скорее всего испытывают англо-шотландцы, проживающие по обе стороны границы, которая грозит превратиться в настоящую границу) [The Daily Mail, 08.09.2014];

*Would we need different money, and would there be **an actual border**?* (Понадобится ли нам другая валюта, и появится ли настоящая граница?) [The Guardian, 27.09.2014].

Граница между севером и югом, будь она настоящая или ментальный конструкт, может принимать метафорическую форму физического барьера. Его роль зачастую отводится реке Твид, по которой частично и про-

легает англо-шотландская граница: *The mildewed contest between David Cameron and Ed Miliband touches few hearts north of the Tweed*. (К северу от реки Твид мало кого трогает неактуальное соревнование Дэвида Кэмерона и Эда Милибенда) [The Spectator, 09.05.2015].

Другой барьер создан руками человека: ... *a Tory-led government in Westminster with little support north of Hadrian's Wall*. (Возглавляемое Тори правительство в Вестминстере не пользуется поддержкой к северу от Адрианова Вала) [The Economist, 22.10.2016].

Шотландия (то есть территория к северу от Адрианова вала) отделена от Англии и противопоставлена ей (британскому парламенту, Вестминстеру). Адрианов вал представляет собой остатки крепостной стены, тянущейся вдоль англо-шотландской границы. Вал был построен римским императором Адрианом в 122—128 годах для защиты римской колонии от набегов воинственных племен с севера острова. В результате создается обогащенный смысл, отсылающий читателя к древней истории британских островов: и в давние времена отношения между севером и югом не были безоблачными. Имплицитно проводится параллель между проблемами римской колонии и племен пиктов. Отметим, что, помимо метафоризации, в этом фрагменте реализуется и исторический вертикальный контекст, то есть отсылка к историческим персоналиям и событиям [Ахманова и др., 1977]. Читатель, обладающий необходимым историческим знанием, способен декодировать заложенные в отсылках дополнительные смыслы.

Таким образом, можно заметить, что в шотландском регионалистском медиадискурсе британской прессы метафорические отношения Север / Юг отличаются от общепринятых в сфере международных отношений. Так, политический дискурс традиционно строится на метафоре Севера как экономически более продвинутого, богатого и успешного региона, а юга — как экономически отсталого [Marks, 2014]. Однако к Соединенному королевству сложившиеся обобщенные стереотипы не применимы, так как понятия севера и юга осмысливаются в данной среде специфически, соответствующие слова обретают своеобразные значения и коннотации.

Привязка к местности, в частности в виде упоминания топонимов, не случайна. Как отмечает Н. А. Протопопова, «локальная идентичность всегда имела для Шотландии принципиальное значение. На архетипическом уровне кельтское “чувство территории” (sense of place) воспринималось как чувство родины, так как понятие “своя территория” имплицитно предполагает принадлежность к месту» [Протопопова, 2012, с. 90].

2.2. Филологический вертикальный контекст

Аллюзиям и отсылкам к шотландской литературе, то есть филологическому вертикальному контексту [Ахманова и др., 1977], отведено важное место в регионалистском дискурсе Шотландии. Имена Роберта Бернса и Вальтера Скотта, чьи работы составили золотой фонд мировой литературы, используются в СМИ для реализации коммуникативной стратегии «апеллирование к авторитету», что иллюстрирует следующий «диалог» заголовков в «The Telegraph»:

Scottish independence: Sir Walter Scott would support the Union. (Шотландская независимость: Сэр Вальтер Скотт поддержал бы Унию) [The Telegraph, 25.08.2014];

Sir Walter Scott would not have voted for independence, descendent says. (Сэр Вальтер Скотт не голосовал бы за независимость, заявил его потомок) [Ibid., 25.08.2014].

Как видно из приведенных примеров, журналисты стремятся найти в шотландской культуре прошлых веков ответы на насущные вопросы, стоящие перед страной сегодня. Авторитет писателя как деятеля культуры превращает его в своего рода моральный компас, от которого потомки ждут указаний к действию или разрешения на него.

В текстах СМИ нередки аллюзии на прозу и поэзию Р. Бернса, как, например, подзаголовок *Newly Sprung in June* (дословно: «Внезапно появилось в июне») [The Economist, 22.10.2016] об июньском референдуме, посвященном «Брекситу», и его влиянии на националистические настроения в Шотландии. Читатели узнают здесь популярное стихотворение Р. Бернса «A Red Red Rose». Здесь, как и в следующем примере, цитата никак не маркирована в тексте (нет ни кавычек, ни атрибуции). Бернс — настолько знакомый читателям автор, что расшифровки часто не требуется:

You can feel it in the air. It's coming yet for aw that ... If not this time, then, nevertheless, it feels like an inexorable process has begun. (Это витает в воздухе. Все еще случится. Если не сейчас, то в любом случае чувствуется, что начался необратимый процесс) [The Guardian, 24.01.2014].

В отрывке использована строка из песни «A Man's A Man For A' That», написанной Бернсом в 1795 году и в контексте статьи предвещающей независимость Шотландии. Если в случае с лирическим стихотворением «A Red Red Rose» имеет место тематический перенос (любовь → политика), то здесь песня о социальном равенстве «A Man's A Man For A' That» содержит посыл, практически аналогичный газетной статье.

Другой источник литературных аллюзий — произведения шотландского классика Роберта Льюиса Стивенсона:

What the tight polling results actually show is a divided nation — a place of opposites. Whichever way it goes, the result will be a split identity. Dr Jekyll will still have to cohabit with Mr Hyde (Такие близкие результаты референдума демонстрируют, что нация расколота. Что бы ни произошло, все равно на выходе получится раздвоение идентичности. Доктору Джекиллу придется научиться жить с Мистером Хайдом) [Ibid., 17.09.2014].

Здесь с помощью персонажей произведения иллюстрируется раскол шотландского общества, произошедший после референдума 2014 года. Герой Стивенсона живет с раздвоением личности, существуя днем в обличье добропорядочного гражданина Доктора Джекилла, но ночью обращаясь в полную противоположность, монстра Мистера Хайда. Так и шотландский народ сочетает в себе две противоположности (сторонники и противники независимости).

Отсылки к литературе в СМИ неслучайны: это одна из наиболее значимых сторон шотландской культуры, а последняя «играет цементирующую роль, создавая соответствующие знаковые системы, которые, в свою очередь, формируют новый уровень идентичности приверженцев заданному вектору развития» [Выходец, 2007, с. 13]. Шотландия в последние десятилетия сделала ставку именно на культурное своеобразие и автономность. Как отмечает Н. А. Протопопова, «разработав стратегию проведения имиджевой политики как диалога между сферой экономики и сферой культуры, [Шотландия] одна из первых среди европейских регионов начала создавать свой собственный бренд, так как проблема сохранения национальной идентичности в составе Соединенного Королевства за свою долгую историю приобрела в Шотландии статус национальной идеи» [Протопопова, 2012, с. 93—94].

2.3. Вкрапления шотландского диалекта

Для утверждения языкового своеобразия региона в СМИ используются диалектные вкрапления: лексемы, имитирующие типичные и узнаваемые шотландские словечки, а также ненормативная орфография, имитирующая через звукоподражание шотландский говор. Иногда эти языковые единицы настолько узнаваемы и так давно ассоциируются с Шотландией, что их можно приводить в тексте без пояснений, например, диалектное прилагательное *wee* ('маленький') и стереотипное шотландское *aye* ('да'):

"Aye right," I thought when I finished Neal Ascherson's article (...). It's the most Scottish of phrases («Да, конечно», — подумал я, дочитав статью Нила Асчерсона. Самая типичная шотландская фраза) [Prospect, 24.07.2014].

Let's make Scotland the best wee country in the world (Сделаем Шотландию лучшей маленькой страной на свете) [The Guardian, 04.11.2018].

Порой, однако, для широкого круга читателей за пределами Шотландии может потребоваться пояснение для менее известных фраз:

We prefer "aye been" (it's always been done so) to trying anything new (Вместо того, чтобы пробовать новое, мы предпочитаем делать так, как заведено раньше) [Prospect, 14.07.2014].

Звукоподражание за счет орфографических изменений создает эффект аутентичности при воспроизведении в интервью речи местных жителей:

As a woman in Clydebank declared, "The genie's oot the bottle, there's nae puttin' it back" (Как заметила одна женщина в Клайдбанке, «Джинн вылез из лампы, и обратно его туда не загонишь») [Prospect, 14.07.2014].

Здесь дифтонги в частице *no* и в предлоге *out* заменены на монофтонг.

Выбор в пользу диалектных вкраплений симптоматичен. В отличие от некоторых других борющихся за независимость регионов Европы, например Каталонии, Шотландия не может строить свою национальную идентичность вокруг собственного языка, радикально отличного от английского: этого не позволяет социолингвистическая ситуация с использованием двух местных языков, скотс и гэльского. Первый даже среди многих шотландцев ассоциируется не с самостоятельным языком, а с неграмотной исковерканной английской речью. Как отмечает Б. Кей, язык скотс в восприятии современного шотландца пригоден либо для высокой поэзии (например, Р. Бернс), либо «для уличных драк». Несмотря на усилия изменить имидж языка, скотс до сих пор не обрел престижа [Кей, 2006]. Что касается шотландского гэльского, то им владеет очень малый процент населения региона, а усилия по возрождению языка успехом до сих пор не увенчались.

3. Заключение

Усиление регионалистских течений и рост регионального самосознания, которые сегодня наблюдаются в Европе, вызывают интерес научного сообщества. Анализ тематического политического медиадискурса в силу его распространенности и силы влияния позволяет вскрыть внутренние закономерности процессов и приблизиться к их пониманию. В этой связи в данном исследовании был предпринят анализ материалов британских СМИ, посвященных шотландскому регионалистскому дискурсу. Как разновидность политического дискурса, шотландский дискурс реализуется в разных сферах, в частности, в СМИ. Его цель заключается в утверждении самостоятельности Шотландии как региона с собственным политиче-

ским, социальным и культурным пространством, обладающего политической субъектностью.

Политический процесс стремления Шотландии к независимости привел к возникновению двух новых лексем *Scoxit* и *Scexit*, вошедших в лексический фонд английского языка в статусе протологизмов-блендов.

Анализ корпуса примеров показал, что среди языковых средств, задействованных в текстах СМИ, широко представлены метафоры и элементы филологического вертикального контекста.

Среди метафор обнаружены как универсальные образы, не только характерные для шотландского регионалистского дискурса, так и культурно-специфические. К первым относятся метафора брака и развода, также широко используемая в дискурсе «Брексита». Ко вторым — колористические метафоры, основанные на цветовой символике региона.

Кроме того, показано, что традиционная для дискурса политики и международных отношений метафорическая дихотомия север / юг, где север означает экономически развитый, а юг — бедный регион, в шотландском регионалистском дискурсе реализуются иные смыслы. Географическое маркирование севера и юга призвано обозначать две части острова Великобритания и не несет негативных или позитивных коннотаций.

Для шотландского регионалистского дискурса характерна опора на филологический вертикальный контекст, в частности, аллюзии на знаковые для шотландской литературы произведения местных авторов, а также отсылка к именам писателей как к авторитетных представителей шотландского общества, на мнение которых должны и по сей день равняться потомки.

Наконец, аутентичность и региональное своеобразие региона достигается и за счет вкраплений шотландских диалектизмов в англоязычный текст, где они выполняют стилистическую функцию.

Источники

1. *Prospect* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.prospectmagazine.co.uk/>.
3. *The Economist* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.economist.com/>.
2. *The Guardian* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.prospectmagazine.co.uk/>.
4. *The Spectator* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.spectator.co.uk/>.
5. *The Telegraph* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.telegraph.co.uk/>.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Вертикальный контекст как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. — 1977. — № 3. — С. 47—54.
2. *Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) / Е. Г. Беляевская // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии : сборник научных трудов к 100-летию профессора И. И. Чернышевой / под редакцией Г. М. Фадеева. — Москва : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. — С. 13—30.
3. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация : элементы критической рефлексии идеи “региона” / П. Бурдые // Ab Imperio. — 2002. — № 3. — С. 45—60.
4. *Выходец Р. С.* Глобализм и регионализация как выбор эпохи / Р. С. Выходец // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2007. — Т. 13. — № 36. — С. 13—18.
5. *Дейк Ван Т.* К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. Ван Дейк. — Режим доступа : <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
6. *Докучаев Д. С.* Регионализм как политический дискурс : методология интерпретации / Д. С. Докучаев // Вестник Пермского университета. Политология. — 2012. — № 4. — С. 70—78.
7. *Елин Д. В.* Противоречивость процесса глобализации : локализация и глокализация / Д. В. Елин // Общество : политика, экономика, право. — 2010. — № 1. — С. 14—17.
8. *Кирчанов М. В.* Руритания vs Мегаломания : политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М. В. Кирчанов. — Воронеж : Научная книга, 2009. — 183 с.
9. *Котенков М. С.* Политический дискурс как актуальный объект лингвистического исследования / М. С. Котенков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2018. — Выпуск 9. — № 801. — С. 152—160.
10. *Маслова В. А.* Политический дискурс : языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. — 2008. — Выпуск 1. — № 24. — С. 43—48.
11. *Протопопова Н. А.* Выстраивание национальной идентичности Шотландии в условиях экономической глобализации / Н. А. Протопопова // Вестник Московского университета. — Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 3. — С. 89—96.
12. *Шевлякова Д. А.* Доминанты национальной идентичности итальянцев : автореферат диссертации ... доктора культурологи : 24.00.01 / Д. А. Шевлякова. — Москва, 2011. — 46 с.
13. *Ширяев Н. С.* Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и фран-

цузского языков) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. С. Ширяев. — Саратов, 2018. — 195 с.

14. *Щунков В. А.* Мифологические основания современного регионалистского дискурса : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / В. А. Щунков. — Москва, 2016. — 180 с.

15. *Blain N.* Scotlands Referendum and the Media : National and International Perspectives / N. Blain, D. Hutchison, G. Hassan. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016. — 288 p.

16. *Dekavalla M.* Framing referendum campaigns : the 2014 Scottish independence referendum in the press / M. Dekavalla // Media, Culture & Society. — 2015. — Vol. 38. — Issue 6. — Pp. 793—810.

17. *Đurović T.* The end of a long and fraught marriage : Metaphorical images structuring the Brexit discourse / T. Đurović, N. Silaški // Metaphor and the Social World. — 2018. — Vol. 8. — № 1. — Pp. 25—39.

18. *Kay B.* Scots : The Mither Tongue / B. Kay. — Edinburgh, 2006. — 224 p.

19. *Lakoff G.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, G. M. Johnson. — Chicago : The University of Chicago Press, 1980. — 242 p.

20. *L'Hôte E.* Breaking up Britain? Métaphores et discours sur la dévolution au Royaume-Uni / E. L'Hôte // Les relations communautaires en Belgique : Approches politiques et linguistiques. — Louvain-la-Neuve : Academia-L'harmattan, 2012. — 281 p.

21. *Marks M. P.* Metaphors of Global Inequality [Electronic resource] / M. P. Marks. — Access mode : <https://pdfs.semanticscholar.org/330a/77ec03d4f56c4bf5ad5bd3fe76b88b8c74cf.pdf>.

22. *McAnulla S. D.* The Rhetoric of Alex Salmond and the 2014 Scottish Independence Referendum / S. D. McAnulla, A. Crines // British Politics. — 2017. — Vol. 12. — № 4. — Pp. 473—491.

23. *Musolff A.* Truth, lies and figurative scenarios : Metaphors at the heart of Brexit / A. Musolff // Journal of Language and Politics. — 2017. — Vol. 16. — № 5. — Pp. 641—657.

24. *Revest D.* Are the commitment to Scottish independence and the Scottish National Party's surge evidence of a clash of values between Scotland and England? / D. Revest // Observatoire de la société britannique. — 2016. — № 18. — Pp. 37—75.

25. *Shoemark Ph.* Aye or naw, whit dae ye hink? Scottish independence and linguistic identity on social media / Ph. Shoemark, D. Sur, L. Shrimpton // Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics., Valencia, Spain, April 3—7, 2017. — 2017. — Vol. 1. — Pp. 1239—1248.

26. *Wagner J.-Ph.* The Media and National Identity : Local Newspapers' Coverage of Scottish Independence during the Campaign of the 2014 Scottish Independence Referendum [Electronic resource] / J.-Ph. Wagner. — Access mode : http://www.wpsanet.org/papers/docs/JWagner_WPSA2017_TheMedia&NationalIdentity.pdf.

Scottish Regionalist Discourse in British Press

© Olga A. Blinova (2019), orcid.org/0000-0 002-7456-4998, Researcher ID E-6779-2014, SPIN 9812-5139, PhD in Philology, Moscow State Institute of International Relations (university of) Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russia), o.blinova@mgimo.ru.

The article is devoted to the Scottish regionalist discourse in the British quality press. The period from the time of the referendum on independence in 2014 till 2019 is covered. Regionalist discourse is considered as an object of linguistic study. The definition of the term *regionalist discourse* as a kind of political discourse is proposed. The framework for the study of regional discourse from the standpoint of political linguistics is given. With the help of semantic-stylistic and discursive analysis the specific characteristics inherent in the Scottish regionalist media discourse are revealed. The latter include metaphorization based on both universal and culturally specific images, as well as a philological vertical context. The functions of metaphor in political discourse are briefly clarified. The author analyzes the universal metaphor of the divorce process and the cultural-specific metaphor based on the colour symbolism and cultural reference. Particular attention is paid to the geographical marking of the border between North and South in the Scottish regionalist discourse. The potential of historical and philological vertical context is discussed. Communicative strategies of appeal to the authority of Scottish literary figures (R. Burns, W. Scott, R. L. Stevenson) are revealed. The stylistic potential of Scottish dialect inclusions in the English text is considered.

Key words: vertical context; metaphor; political discourse; regionalism; regionalist discourse; Scottish dialect; Scotland.

Material resources

Prospect. Available at: <https://www.prospectmagazine.co.uk/>.

The Economist. Available at: <https://www.economist.com/>.

The Guardian. Available at: <https://www.prospectmagazine.co.uk/>.

The Spectator. Available at: <https://www.spectator.co.uk/>.

The Telegraph. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/>.

References

- Akhmanova, O. S., Gyubbenet, I. V. (1977). Vertikalnyy kontekst kak filologicheskaya problema. *Voprosy yazykoznaviya*, 3: 47—54. (In Russ.).
- Belyayevskaya, E. G. (2011). Nominativnyy potentsial kontseptualnykh metafor (kontseptualno-metaforicheskaya reprezentatsiya kak iyerarkhicheskaya sistema). In: Fadeyev, G. M. (ed.) *Aktualnyye problemy sovremennoy leksikologii i frazeologii*. Moskva: IPK MGLU «Rema». 13—30. (In Russ.).
- Blain, N., Hutchison, D., Hassan, G. (2016). *Scotlands Referendum and the Media: National and International Perspectives*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Burde, P. (2002). Identichnost' i reprezentatsiya: elementy kriticheskoy refleksii idei "regiona". *Imperio*, 3: 45—60. (In Russ.).
- Dekavalla, M. (2015). Framing referendum campaigns: the 2014 Scottish independence referendum in the press. *Media, Culture & Society*, 38 (6): 793—810.

- Deyk Van, T. *K opredeleniyu diskursa*. Available at: <http://psyberlink.flogiston.ru/inter-net/bits/vandijk2.htm>. (In Russ.).
- Dokuchayev, D. S. (2012). Regionalizm kak politicheskiy diskurs: metodologiya interpretatsii. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 4: 70—78. (In Russ.).
- Đurović, T, Silaški, N. (2018). The end of a long and fraught marriage: Metaphorical images structuring the Brexit discourse. *Metaphor and the Social World*, 8 (1): 25—39.
- Elin, D. V. (2010). Protivorechivost' protsessy globalizatsii: lokalizatsiya i globalizatsiya. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 1: 14—17. (In Russ.).
- Kay, B. (2006). *Scots: The Mither Tongue*. Edinburgh.
- Kirchanov, M. V. (2009). *Ruritaniya vs Megalomaniya: politicheskiy natsionalizm i natsionalisticheskoye vobrazheniye v Brazilii v XX veke (literatura i identichnost' v sotsialnykh transformatsiyakh i modernizatsiyakh)*. Voronezh: Nauchnaya kniga. (In Russ.).
- Kotenkov, M. S. (2018). Politicheskiy diskurs kak aktualniy obyekts lingvisticheskogo issledovaniya. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 9 (801): 152—160. (In Russ.).
- Lakoff, G., Johnson, G. M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
- L'Hôte, E. (2012). Breaking up Britain? Métaphores et discours sur la dévolution au Royaume-Uni. In: *Les relations communautaires en Belgique: Approches politiques et linguistiques*. Louvain-la-Neuve: Academia-L'harmattan.
- Marks, M. P. *Metaphors of Global Inequality*. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/330a/77ec03d4f56c4bf5ad5bd3fe76b88b8c74cf.pdf>.
- Maslova, V. A. (2008). Politicheskiy diskurs: yazykovyye igry ili igry v slova? *Politicheskaya lingvistika*, 1 (24): 43—48. (In Russ.).
- McAnulla, S. D, Crines, A. (2017). The Rhetoric of Alex Salmond and the 2014 Scottish Independence Referendum. *British Politics*, 12 (4): 473—491.
- Musolff, A. (2017). Truth, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit. *Journal of Language and Politics*, 16 (5): 641—657.
- Protopopova, N. A. (2012). Vystraivaniye natsionalnoy identichnosti Shotlandii v usloviyakh ekonomicheskoy globalizatsii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 3: 89—96. (In Russ.).
- Revest, D. (2016). Are the commitment to Scottish independence and the Scottish National Party's surge evidence of a clash of values between Scotland and England? *Observatoire de la société britannique*, 18: 37—75.
- Shchipkov, V. A. (2016). *Mifologicheskiye osnovaniya sovremennogo regionalistskogo diskursa: dissertatsiya... kandidata filosofskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Shevlyakova, D. A. (2011). *Dominantny natsionalnoy identichnosti italyantsev: avtoferat dissertatsii... doktora kulturologii*. Moskva. (In Russ.).
- Shiryayev, N. S. (2018). *Kommunikativnyye strategii reprezentatsii natsionalnoy identichnosti v politicheskoy mediadiskurse (na materiale angliyskogo i frantsuzskogo)*. Moskva. (In Russ.).

- suzskogo yazykov): dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Saratov. (In Russ.).*
- Shoemark, Ph, Sur, D, Shrimpton, L. (2017). Aye or naw, whit dae ye hink? Scottish independence and linguistic identity on social media. In: *Proceedings of the 15th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics., Valencia, Spain, April 3—7, 2017, 1*: 1239—1248.
- Vykhodets, R. S. (2007). Globalizm i regionalizatsiya kak vybor epokhi. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena, 13 (36)*: 13—18. (In Russ.).
- Wagner, J.-Ph. *The Media and National Identity: Local Newspapers' Coverage of Scottish Independence during the Campaign of the 2014 Scottish Independence Referendum*. Available at: http://www.wpsanet.org/papers/docs/JWagner_WPSA2017_TheMedia&NationalIdentity.pdf.